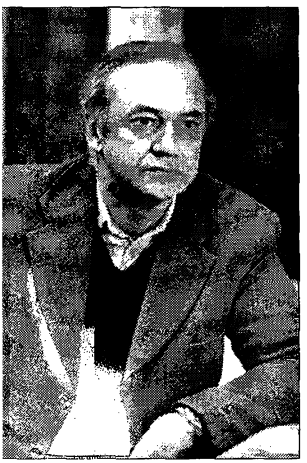
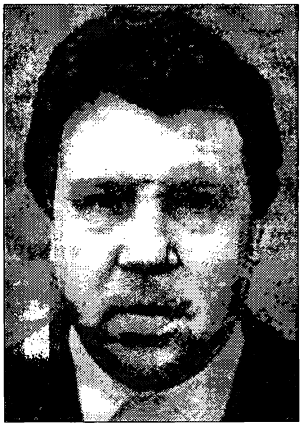
«НУЖНО УМЕТЬ БЫТЬ ОДНОМУ СРЕДИ ТОЛПЫ...»

Глеб Александрович Горышин (1931–1998) – ленинградец (так на-ывался один из его ранних рассказов). После окончания филфака ЛГУ отделения журналистики) в 1954 г. уехал на Алтай, на целину, где был собкором газеты «Молодежь Алтая». Позднее с геологическими партиями работал на Алтае, в Восточных Саянах, в зоне затопления Братской ГЭС, на Дальнем Востоке. Первый «целинный» рассказ «Лучший лоцман» опубликовал в 1957 г. в «Неве», другие вошли в сборник «Хлеб и соль» (Л., 1958). Принят в СП в 1960 г. В Горышине тех лет Л. Аннинский увидел писателя «чуткого, тонкого, стилистически нежного» и «насквозь наивно честного» (*Аннинский Л.* Ядро ореха: Критич. очерки. М., 1965. С. 107). В 1970–1980-х Г.А. Горышин – секретарь Правления Ленинградского отделения СП, глава экологической комиссии при СП, автор более 30-ти сборников прозы и публицистики. Главные его книги – «Лица встречных» (Л., 1971), «Други мои» (М., 1974), «Повести и рассказы» (Л., 1976), «Стар и млад» (М., 1978), «Запонь» (Л., 1980), «Избранное» (Л., 1981), «По тропинкам поля своего» (Л., 1983), «Уроки доброты» (Л., 1986), «Жребий» (Л., 1987), «Избранное» (Л., 1988), «Глядя в глаза Ладоге» (Л., 1989), «Ладога: Фотоальбом» (М., 1989). В 90-е годы книги Горышина не выходили, он публиковался в журналах, в 1995-м удостоен премии им. И. Бунина СП России за лучший рассказ года.



С 1973 г. Г.А. Горышин заведовал в журнале «Аврора» отделом прозы, в 1977 г. стал его главным редактором. Был снят с должности в апреле 1982-го по обвинению в идеологической диверсии за публикацию на 75-й странице № 12 «Авроры» за 1981 г. (в декабре отмечалось 75-летие Брежнева) юморески В. Голявкина «Юбилейная речь». Об этой скандальной истории, «втором выстреле Авроры», Горышин написал очерк «На 75-й странице...» (С.-Петерб. панорама. 1992. № 7).

Владимир Егорович Насущенко (1930–2002), окончив в Ленинграде железнодорожное училище, работал помощником машиниста, служил мотористом на торговом флоте. В 1971-м окончил Лит. институт им. Горького. Первый рассказ «Дорогу уже не бомбили» («Тяжелый маршрут») напечатал в альманахе «Молодой Ленинград» за 1968 г. Рассказы Насущенко с их «голой правдой» в печать пробивались с трудом, рассказ «Чужая собака», например, ждал публикации 20 лет, автор зарабатывал на жизнь на заводе. Первая книга Насущенко «Мартовский лед» вышла в 1980 г. В 1970–1980-е он печатается в «Авроре», «Неве», «Звезде», «Новом мире». В 1982-м принят в Союз писателей, в 1983-м – лауреат премии СП за лучший рассказ года. Другие его сборники – «С утра до вечера» (Л., 1984), «Белый свет» (Л., 1988), «Дом на канале» (Л., 1989), «Красная лошадь на зеленых холмах» (СПб., 1998). Жизнь, по словам Валерия Попова, Насущенко рисует «бесстрашно, подробно и трагично» («Состав земли не знает грязи...» // Нева. 1989. № 6. С. 191).



Думаю, Глеб не осудил бы меня за публикацию этих писем (отца я звала и зову Глебом, и за это он тоже меня не осудит). Он любил живую подлинность, откровенность документа – дневников, записок, писем, много раз чужие дневники и письма публиковал. Он издал, например, «величиною в целую жизнь» хронику плаваний исследователя Арктики Е.Н. Фрейберга («От Балтики до Тихого...»), многолетние записи наблюдателя поста гидрометслужбы на Телец-

ком озере Н.П. Смирнова («Не только о погоде»), «Карачаровские записи» И.С. Соколова-Микитова и многое другое. У него есть рассказ «Чужие рукописи» в сборнике рассказов о писателях «Жребий» (СПб., 1987), кончающийся словами: «Чужие рукописи остаются с нами, как наши сердечные боли». Письма Василия Шукшина и Юрия Казакова Глеб включил в свои очерки о них – в том же сборнике «Жребий». И собственные дневниковые записи он не раз публиковал. Его поздние очерки, написанные в деревне Нюрговичи в вепсском лесу, на берегу Корбозера, – тоже и дневники, и письма – послания читателю.

Одним из необходимых, неравнодушных читателей был для Глеба Владимир Насущенко. «Все же ты один у меня читатель, я твоим мнением дорожу», – пишет он ему. Двенадцать писем Глеба, сохраненные Владимиром Егоровичем, его вдова передала в Отделение ЦГАЛИ в Петербурге (Ф. 735. Оп. 1. Д. 74), они и публикуются ниже. Благодарю сотрудников архива за эту возможность. В семейном архиве Горышина сохранилось только три письма Насущенко к Глебу (их было больше), которые также публикуются. Друзья у Глеба были всегда, и единомышленники, и последователи, и оппоненты, однако Владимир Егорович был, действительно, единственным собеседником, как это ни грустно, в непрекращающемся разговоре с которым (на бумаге!) Глеб нуждался. Как нуждался в этом разговоре и его адресат. Другого – долгого, с продолжением – диалога в письмах мы с Эвелиной Павловной Соловьевой, вдовой Горышина, разбирая его архив, не нашли. Публикуемый диалог, к сожалению, останется единственным.

Проза В.Е. Насущенко не прочитана, не оценена. И Глеб, видя его неординарность, одаренность, поддерживал его, убеждал писать, помогал публиковаться. С предисловием Горышина рассказ Насущенко «Солнечный круг» был напечатан в «Литературной России» (1979. 9 марта), очерк о нем «Вес слова» Глеб опубликовал в «Вечернем Ленинграде» (1980, 4 сент.).

Глеб Горышин и Владимир Насущенко лежат на кладбище в Комарово неподалеку друг от друга. Оба имени соединены под обложкой сборника «Рассказы ленинградских-*петербургских* писателей» (СПб., 2007).

Переписка Г. А. Горышина и В. Е. Насущенко

1.
В. Насущенко – Г. Горышину

Дорогой Глеб Александрович!

26 сентября звонил я к тебе. Даже попенял на судьбу: с Горышиным не поговорил толком. Естественно, огорчился, что ты в больнице. Вышел из телефонной будки, а навстречу бегут два трезвых школьника, положив портфели на головы.

И я немного повеселел. Думаю, раз Горышин в больнице, то из СП дергать его не будут. Авось, мне напишет, когда пойдет на поправку. Извини за открытый эгоизм. Поговорить не с кем. Везде суета. Сверстники мои давно бросили писать, видно, они умнее.

Человек я не деловой. Медлителен, не верю в свои силы, часто срываюсь, по полгода не пишу. Смотрю на людей, и кажется, что не за кем идти и нет такого лица, на которое хотелось бы оглянуться. Может быть, причина сидит во мне. Я шарю руками вокруг, ощупываю проходящего человека и думаю, что сам создатель не очень-то красивый, если слепил человека по образу и подобию своему. Одно это утешает.

Задача писателя заключается в том, чтобы не нравиться порочным. А требования наших журналов иногда несовместимы с ущербным моим понятием. И будет трудно сделать из меня что-либо путное. Может быть, я ошибаюсь.

Мне необходима нравственная поддержка. Я никого не знаю почти, и твое дружеское участие вселило в меня надежду.

Сейчас иду к Кочурину, заодно отдам 4 рассказа для альманаха.[1]

Письмо бестолково, извини, пишу на почте, чье-то кувшинное рыло пытается заглянуть через мое плечо.

Большой привет твоей жене.[2] Сожалею, что не познакомился, не хотел быть назойливым.

Буду очень рад получить известие, что ты поправляешься.

Будь здоров. No pasaran!

29.09.76 г.

Насущенко

---

[1] П. Кочурин – директор издательства «Художественная литература» (Ленингр. отделение), главный редактор альманаха «Молодой Ленинград».

[2] Э. П. Соловьева, художник.

2.
Г. Горышин – В. Насущенко

<1976>

Володя,

твое письмо мне доставили в больницу. В этом богоудобном заведении я пробуду еще сколько-то времени. Хвори у любого из нас в наши года накопилось достаточно. Стоит только ворохнуть эту хворь, как она вылезает наружу из каждого хрящика.

Что касается твоей – умственной и душевной – хвори, изложенной в письме, я лекарь плохой, и сам тоже маюсь. Скажу одно: не стоит занятия литературным трудом ставить в один ряд с повседневными, уличными, домашними, производственными, бытовыми и пр. впечатлениями. Литература, вроде бы как вся из жизни, едет на жизни верхом, жизнию же погоняется. Все так – и не совсем так. Чтобы заняться с толком литературой, надо вначале как следует отряхнуться от пыли этого самого жизненного опыта, надо откашляться, прочистить горло, высморкаться, надеть чистую сорочку. Литература – не только фиксирует повседневный человеческий опыт, но и помогает освободиться от его гнетущей тяжести. Литературный опыт – иного рода. Чтобы им овладеть, нужно уметь быть одному среди толпы, среди всего человечества. И еще надо слышать музыку жизни. Она есть. Иначе не было бы у нас даже и Шостаковича, не говоря о Рахманинове или Бахе.

Надо быть эгоистом! Вот в чем штука.

И не надо обольщать себя мыслью, что в чем-то виноваты наши журналы. Может быть, они виноваты перед тобой – читателем, но перед тобой – автором они безвинны. Обольстить их, может быть, обмануть – это твоя обязанность.

Надо быть эгоистом!

Переходя от этих общих, может быть, и неприятных тебе рассуждений, к делу, я хочу сказать одно: надо тебе делать книгу. Пора! Тем более пора, что ровесники твои захрясли на дороге.

Два рассказа я прочел. Рассказ из иностранной жизни, мне показалось, как-то неясен. Он похож на пародию. Что-то такое было уже, читано. Непонятно, какое это время. И вообще, нет – внутри рассказа, меж его героями хотя бы какой-нибудь разности нравственных потенциалов. Все равны. Все плохо. Но что плохо? Капиталистический образ жизни? Об этом говорится в любой нашей газете. Не знаю. Может быть, я недопонял.

Второй рассказ – о геологах – можно бы напечатать, хотя уж очень он скуповат. Как говорят, ла-пи-да-рен. А для чего? Можно бы и прибавить плоти в этом рассказе. Заполнить чем-нибудь пустоты меж фразами. Хорошо бы этот рассказ «прописать». Лапидарность была в моде 20 лет назад. Теперь полюбили прозу «наполненную», словесную вязь – искусную. Рассказы нынче несут в себе еще и изрядную дозу информации (читай В. Солоухина и др.).

По полгода не писать – грешно, Володя. Бывает и со мной это. Но если не мы, то – кто?

Я выйду из больницы дней через 7. Звони. Встретимся.

Желаю удачи.

Г. Горышин.

3.
В. Насущенко – Г. Горышину

Дорогой Глеб Александрович!

Извини, что на последнее письмо не ответил. Думал созвониться, решить дело практически.

Я, конечно, не комильфо и, прежде всего, лентяй. Ругаю себя на все корки.

Письмо твое меня успокоило в какой-то мере, и депрессия улетучилась.

Ты пишешь про стиль, который слишком лапидарен. Но я стремлюсь к краткости, иначе в моих писаниях начинается галиматья, которую и в руки брать тошно. Я выхолащиваю рассуждения. По части таланта у меня слабовато, приходится высиживать краткость свинцовым задом. Один рассказ пишу 2–3 месяца. И видно, от излишка усердия «сушу», что бросается в глаза. А подтекст тёмен, это не «айсберг», а скорей, грязная городская льдина – две трети которой под водой, а на остальную треть дворники навалили окурков и мусора.

Эгоистом я быть не смею, да и ты не можешь, просто успокаиваешь меня, как соломинку бросил утопающему.

Ты сам прекрасно чувствуешь и скрипишь зубами, окидывая светлым оком нечисть и гнусь мирскую. Ты хочешь помочь мне, когда сам мучаешься. И уже заметил, что я покривил душой, меняя русские фамилии на иностранные.

Хотя я могу оправдаться, сказав, что люди во все времена и на всех широтах одинаковы. Прогресс движет «выгода». В любом деле можно усмотреть вопрос, «кому это выгодно». Писатель начинается с разоблачения тайных покровов этой проклятой дамы.

Я неопытный боец. Власть имущих ты лягаешь в своих рассказах и очерках довольно чувствительно. Ты действуешь как профессиональный боксер, непосвященные не видят твоих запрещенных ударов ниже корпуса. Эти удары необходимы, чтобы приблизить победу. «Карфаген должен быть разрушен».

Опять меня понесло не в ту степь.

18 ноября пойду к Мине Исаевне, сегодня не застал ее. Тогда позвоню тебе или приду в дом «Маяковского» за советом. Поэтому ты не отвечай на это письмо, время не трать, ради Бога.

Домашние мои тиранят потихоньку, ты знаешь, о чем говорю.

Мучительно перекраиваю рассказ, ранее написанный, который с точки зрения проходимости не лезет ни в какие ворота.

Крепко жму твою руку. Привет жене.

16 ноября. Писал в «час быка», т. е. на ночном дежурстве.

4.
В. Насущенко – Г. Горышину

Глеб Александрович!

Разреши поплакаться в жилетку. Дела мои идут из рук вон плохо.

Мина Исаевна, не прочитав предварительно, отдала мои опусы на рецензию некоему А. Бартэну или Бартону, подпись неразборчива.[3] Он пощипал рассказы мои порядком, и даже те, которые были опубликованы. Короче говоря, зарезал сборник.

Я сдуру отдал свою «Шинель» («Черную субботу»),[4] и она на глаза попалась ему, и остальные худы стали. Бартон вцепился в некоторые фразы мертвой хваткой и не отпускал, пока не выпустил ливер из книги.[5]

Спаси меня Бог чернить действительность. Может быть, рецензент «льстил» мне по доброте души? И Маяковского обвиняли, и не только его, что он чернит сов. людей в своей «Бане». У Владимира Вла-

[3] А. А. Бартэн – ленинградский прозаик.

[4] Сведений о публикации «Черной субботы» не нашла. Возможно, рассказ публиковался под другим названием. Хотя хорошо помню и название, и впечатление от этого трагически-безнадежного рассказа. Глеб отдавал его читать многим, в том числе и мне, – с гордостью за автора.

[5] Речь идет о первом сборнике рассказов В. Насущенко «Мартовский лед», который был издан только в 1980 г.

димировича было имя, не посчитались. А меня легче всего размазать по стенке. Писать правду, которая «хуже всякой лжи», тяжело, чего уж там. Существуют и другие слова, похлеще, для описания действительности, которые всяк держит на цепи в резерве, как бронепоезд на запасном пути.

Делаю выписку, стр. 3:

«Что посоветовать автору, заключая рецензию?

Прежде всего отказаться от той *нигилистической тенденциозности,* что ничего общего не имеет с *большими* и *благородными* задачами, стоящими перед сов. литературой, каждым литератором в ее строю. Гражданственная позиция литератора – это не фраза, а отчетливое понимание *своего места* в общем литературном деле, своего творческого долга по отношению к обществу», «...праздное дешевое кокетство» и т. д., подчеркнуто мною.

Чистое дело, какой-то жандармский окрик, а не рецензия на сборник начинающего автора. Грустно, когда человек залезает на амвон и начинает играть в государственность. Будто другие – олухи царя небесного. И обидно, что обвиняют в дешевом праздном кокетстве, словно я портовая гетера последнего пошиба, на которой клейма ставить негде. С такой характеристикой и в тюрьму не примут, не то, что в печать.

Может быть, рецензент и добрый человек, хороший семьянин, дети есть, на молочишко надо или жене справить новый бобровый воротник, я понимаю его осторожность, но нельзя же так рубить по живому, легче объяснить: это не пойдет, а это нужно поправить, дополнить и т. д.

Еще выписка:

«Если же говорить о реальной возможности публикации представленных рассказов – такой возможности я сейчас не вижу...»

Ну, да Бог с ним. Я, конечно, изыму один-два рассказа и дополню, а как быть с другими рассказами? Зарыть в землю книгу или подладиться под утомленный вкус рецензента? Голова кругом идет. Надо-ело бить стену лбом, хотя она и гнилая.

Мина Исаевна сказала, что к середине будущего года прочтет сама и, мол, будем делать сборник о восьми авторских листах. Но я что-то не верю в это, мне кажется, она тоже чего-то тревожится, это мое личное мнение. Поживём – увидим.

Глеб Александрович, увидишь если Мину Исаевну, поговори с ней, чтобы она не косилась на мои рассказы и не шла на поводу рецензии, а то будет не книга, а одна оболочка. Если такой разговор будет невоз-

можен по каким-то причинам, то, может, мне в «Лениздат» лучше отнести, конечно, изрядно подправленную, чтобы не дразнить гусей?

Писать мне ничего не нужно: после Нового года я выберусь в дом «Маяковского», увижу тебя там, поговорим.

Поздравляю с праздником всю семью и тебя. Крепко жму руку. Будь здоров, основное. Опять час «быка», пишу на ночной смене. До свиданья.

24 дек. 1976 г.

Насущенко Владимир.

PS. 27 дек. на Воинова будет вечер, я приду.

5.
Г. Горышин – В. Насущенко

<1976–1977>

Володя!

Письмо твое меня огорчило, даже дурно стало – от всей этой нескончаемой подлой глупости, от старческого слабоумия, которое в нашей действительности стало образцом для единомыслия.

Семидесятилетний параноидный идиот Бартэн, который всю жизнь что-то писал о цирке,[6] – «в строю», а ты не «в строю»...

Тем не менее, надо жить. Иной действительности нам не дано, и что-то я ее не предвижу. Напрасно ты отдал свои сочинения в издательство в том виде, как их написал. Мы же с тобой договорились, как будто, что первым их буду читать я. Правда, меня долго не было в городе. Я чувствую, что и я виноват в том, что случилось с твоей книгой в «Сов. писе». Ты получил еще один урок, хотя уроки тебе, пожалуй, не нужны.

Однако, Володя, ты должен себе отдавать отчет и в том, что та правда, какую ты пишешь, непечатна, и если ты хочешь печататься (а ты обязан хотеть!), ты обязан также и выполнять хотя бы некоторые правила этой купли-продажи.

Я договорился с Кондрашевым и Кочуриным,[7] что буду отвечать

---

[6] См., например, текст аннотации к книге А. Бартэна «Под брезентовым небом» (Л., 1975): «Книга, в которой цирк освещен с нестандартной точки зрения – с другой стороны манежа. Основываясь на личном цирковом опыте и будучи знакомым с некоторыми выдающимися артистами цирка, автор попытался передать читателю величину того труда и терпения, которые затрачиваются артистами при подготовке каждого номера. Вкладывая душу в свою работу, многие годы совершенствуя технику и порой переступая грань невозможного, артисты цирка создают шедевры для своего зрителя».

[7] Г. Ф. Кондрашов – директор издательства «Советский писатель» (Ленингр. отделение); о П. Кочурине см. выше.

за твою книгу я, а не Бартэн. С 15-го января я в городе. Звони, приходи обязательно. Хватит самодеятельности. С Новым годом!

Глеб.

6.
Г. Горышин – В. Насущенко

<1977>

Володя!

Наконец-то добрался до твоих рассказов. Читаю их с карандашом в руке как редактор – я теперь редактор «Авроры», – соображаю, как их приспособить к печатанию. Печатать будем, но надо пообтесать, пообрезать, кое-какие щели законопатить. Без этого не бывает. Н.А. Некрасов, будучи редактором «Современника» (тоже на Литейном проспекте),[8] проделывал над рукописями те же самые операции.

Еще раз прочел «Садовников».[9] Мне нравится этот рассказ. Но в нем не хватает второго сюжета: истории болезни Филиппа. «Яйцеголовые» и прочее в этом роде не пойдет. Придумай какую-нибудь производственную травму: сварка, газ, перегрев, падение с крана и т. д. Из чего произошла меланхолия Филиппа?..

Впрочем, приходи, и поскорее. Мой телефон в «Авроре» 273-33-90. Жду.

Г. Горышин

7.
Г. Горышин – В. Насущенко

<1977>

Дорогой Володя!

Прости, что бессовестно затянул с ответом тебе. Рукопись книги я получил давно, прочел и прикинул, что надо сделать, чтобы книга была. Она может быть, но многое необходимо (!) для этого сделать. Я говорил в издательстве с Кочуриным, отношение к нашей работе будет благожелательное. К *нашей* – потому что я считаю своей обязан-

[8] Адрес редакции «Авроры» в 70–80-х – Литейный пр., д. 9. Редакция «Современника» с 1857 г. размещалась в доме, где жил до конца жизни Некрасов – на Литейном пр., 36 (угол ул. Бассейной; сейчас – музей-квартира). В 1847–1856 гг. редакция «Современника» находилась на Невском пр., д. 68/40.

[9] Сведений о публикации рассказа под этим названием не нашла.

ностью сделать все, чтобы книга увидела свет, а ты стал бы наконец-то писателем не подпольным, а явным, существующим. Это должно случиться не только потому, что твое место не занято, пустует, и занять его, кроме тебя, некому.

Однако ближе к делу.

Сегодня я уезжаю на съезд.[10]

Вернусь 25 июня. Мой телефон 44-39-18, адрес – 194156, Орбели, 8, кв. 32. Найди меня и затем приходи. Будем делать дело. Если не застанешь дома однажды, позвони еще и еще раз. Я уезжаю часто, но всякий раз приезжаю.

Жду!

Г. Горышин.

8.
Г. Горышин – В. Насущенко

<1978?>

Дорогой Володя!

Я послал Карлину[11] три рассказа: про геологов, про рыбалку и про пароход. В «Розовой даче»[12] недоговоренность превышает дозволенное. Эпизод из времен войны надо дописать. Не стоит хемингуэйствовать. Вообще форма, прием в рассказе лучше, когда незаметны. Недоговоренность – это тоже прием.

В истории девочки и кошки[13] по-новому написанный эпизод не спасает дела. Жить дальше невозможно – такова концовка во многих твоих рассказах. Выдача похоронных свидетельств – это не дело литературы. Она (литература) для того, чтоб посеять надежду на то, что можно выжить.

Филипп в новом варианте становится не только убитым физически, но еще и убийцей. Тут перебор. Даже и убийца достоин того, чтобы выжить. Не об этом ли написано «Преступление и наказание»?

Очень надо бы именно сейчас подготовить новую публикацию рассказов Насущенко в «Авроре». Того же уровня, что «Мой старший

[10] VI Съезд писателей СССР.

[11] А. Карлин – редактор-составитель ежегодно выходивших в московском издательстве «Современник» сборников рассказов.

[12] Под названием «Старая дача» рассказ был опубликован в «Звезде» (1979. № 8). В сб. «Мартовский лед» (1980) вошел под авторским названием.

[13] Рассказ «Девушка с кошкой» – «Аврора». 1979. № 8.

брат».[14] Давай еще раз переделаем «Девочку и кошку» – и еще что-нибудь. Покуем железо, пока оно не остыло.

Ты мне нужен позарез как писатель. Писателей мало, почти что и нет.

Звони, заходи!

Твой Г. Горышин.

9.
Записка

Вх. 228 5.2.79.

В отдел прозы:

Я думаю, вслед за тремя рассказами Насущенко[15] надо напечатать, не откладывая, и этот.[16] Надо приучать наших читателей к этому имени, к этой манере. Это – наш писатель, – не эпизодическая фигура, настоящий работающий для нас автор.

Г. Г.

10.
Г. Горышин – В. Насущенко

<1989?>

Владимиру Насущенко.

Володя, хотел ответить тебе верлибром, но не подняться, нету подъемной силы, такой, как у тебя. Ты, брат мой, поэт, природа вложила в тебя чувствилище редкостное. Сидел бы и писал верлибром. Небось, и не переписывал, так набело и клал свои слова и фразы, как каменья ворочал. Просто замечательное послание, я его читал вслух семье.[17]

---

[14] Рассказ «Мой старший брат» («Аврора». 1977. № 12) – первая публикация В. Насущенко в «Авроре», в рубрике «Новые имена», с коротким вступлением от редакции. «Мой старший брат» включен и в сб. «Рассказ-77» (М., 1978).

[15] Три рассказа Насущенко в «Авроре» – «Мой старший брат» (см. выше), «Хлеб с маслом» (1978. № 10), «Если я не приду...» (1979. № 1.). «Хлеб с маслом» также опубликован в сб. «Рассказ-78» (М., 1979).

[16] Следующим напечатанным в «Авроре» рассказом был «Лягушонок» (1980. № 1); вошел также в сб. «Рассказ-80» (М., 1981). Позднее в журнале были опубликованы: «Петр и Лиза» (1980. № 11), «Впереди было чисто» (1982. № 7), «Катя Казакова» (1982. № 11), «Ф. Д.» (1983. № 10).

[17] Письмо не сохранилось.

Думаю про тебя, знаю, что и ты думаешь, даже чувствую тягу твоих дум.

Надо тебе вот что поиметь в виду на будущее. Сдать книгу в «Сов. писатель» – это первое, получить с них 60% и забыть, пусть издают, когда им надо. Сразу же надо делать еще одну книгу: выбрать все стоящее из «Мартовского льда», из второй книги, дополнить чем-нибудь новым – и сдавать в «Современник». Я напишу рецензию, которая может послужить и вступительной статьей, по-всякому тебя порекомендую, они включат тебя в план какого-нибудь 2000 года, но это уже не должно тебя волновать.[18] Твои волнения должны прекратиться с получением шестидесяти процентов. К той поре у тебя уже должна быть готова книга стихов-верлибров, а если захочешь, то и ямбов, и хореев, и амфибрахиев.

Надо будет печататься и в журналах. Ну, конечно, в «Авроре», но надо форсировать и «Неву». И надо предпринять длительную осаду Лениздата, 2000 годы у них, я думаю, пока еще свободны – для тебя.

Не уповай на то, что зимой ты поправишь семейный бюджет на котлах. Лета еще много впереди, постарайся куда-нибудь съездить, попользуйся правами члена СП. Попроси творческую командировку на БАМ, напиши что-нибудь железнодорожное.

На рыбную ловлю не очень надейся, это дело скользкое.

Водку пить не ходи в кафе дома писателей, это гиблое место. Лучше и вообще ее не пей. Мой добрый старый товарищ Иван Сергеевич Соколов-Микитов, бывало, мне говорил: «Водочку можно пить, пока ты ее сильнее, а как она станет сильнее тебя, то лучше не пить».

Почитай старика, замечательный был писатель, ты у него учился нашему языку, еще по букварю, по «Родной речи». Читал в №5 «Нового мира» рассказы Абрамова,[19] показались они мне мусорными, злобными.

Мы пойдем другим путем. Или посидим на рыжем бугре, там, глядишь, и выпьем.

Держи пары, кочегар, надо нам с тобой еще прогуляться по виа, рю, стрит, авенида и авеню. Хочу увидеть тебя похудевшим, загоревшим, в белых брюках и мокасинах.

И написал бы книжку коротких, живых, как про лягушонка, рассказов для детей.

---

[18] Вторая и третья книги Насущенко «С утра до вечера» (Л., 1984) и «Белый свет» (Л., 1988) вышли в «Советском писателе». Четвертый сборник рассказов «Дом на канале» вышел в издательстве «Современник» (М., 1989), но без вступительной статьи Горышина.

[19] Возможно, речь идет о публикации: *Абрамов Ф.* Поездка в прошлое // Новый мир. 1989. N 5.

Мы с тобой выслужили себе высшее благо – свободу. Давай станем свободными.

Вот вернусь с Баренцева моря, и погуляем по рю.

Ладно, жму твоего вареного краба.

Давай-ка, приноси что-нибудь почитать.

Низкий поклон твоей Зине!

Г. Горышин

11.
Г. Горышин – В. Насущенко

<?>

Володя, мне бывает невмоготу, когда вижу: написал сильную вещь, сам взял и испортил. В твоем рассказе о разнесчастном мужике-самоубивце[20] смерть в самом финале, читатель не должен о ней знать, покуда вчитывается, тогда смерть – всегда неожиданная – производит в нем потрясение. А ты выносишь «смерть» в заголовок, то есть все другое, что есть в рассказе, сам лишаешь значения. Читателю пообещана смерть, он только ее и ищет в тексте. И ты обзываешь героя «браконьером» – это бранное слово, к тому же дурное, не русское, в быту не употребляемое. Таким образом, ты науськиваешь читателя на героя. Рассказ, повторяю, в высшей степени сильный, по-твоему, фатально безнадежный. Но для чего же собственный хороший рассказ убивать заголовком. Заголовок должен быть нейтральный, вот: «База отдыха», читатель не должен ничего знать, покуда не дочитает до конца.

Я знаю, ты спросишь, а для чего? Знающих, «для чего», очень мало. Может быть, я остался один. Но для чего-то ты выделываешь свой рассказ, выбираешь слова, обороты, картины. Вот для этого самого. И мой тебе совет, освободи рассказ от этого чудовища «Смерть браконьера»...

Вспомни: в моих советах тебе по тексту я, кажется, не ошибался.

Ну, давай, старик, держи пар в своем паровозе.

Твой Г. Горышин.

P.S. Я не могу спокойно спать, пока ты не убрал заголовка-монстра.

---

[20] О каком рассказе идет речь, неизвестно.

Да, и вот еще что: в Воронеже есть издательство «Посредник», хочет издавать современные книги (новые) живых русских писателей, предпочтительно повести и романы в духе русской классической традиции, без модерна, чернухи и т. д. Каждая книга объемом 16–20 листов. Издательство обратилось ко мне с предложением дать такую книгу и порекомендовать еще авторов. Кроме Насущенко, в современном Питере рекомендовать, пожалуй, некого. Твои рассказы таковы, что можно их посчитать и короткими повестями. Хорошо бы, если бы ты сложил те, что написал в последнее время. Я знаю твою медлительность, и самому мне сложить, перепечатать, составить книгу невыносимо трудно, отвык, машинистке не отдашь и т.д. Но надо попробовать. В Питере такой возможности не будет.

12.
Г. Горышин – В. Насущенко

<1994>

Володя,

прочел твой рассказ «Господня фреза»,[21] заголовок красивый, но, к моему стыду, я не знаю, что такое «фреза», уверен, что 90% читающей публики тоже не знает. Фрезеровщики рассказов не читают.

Рассказ сильный, как у тебя бывало, безнадежный. При большевиках безнадежность не проходила, при нынешней свободе безнадежность вышла на первый план. Рассказ убеждает верностью деталей, точностью всех сказанных слов. Он представляет собой явление современной литературы, которой нет, в чем можно убедиться, просмотрев другие тексты в №4 «Невы».

По моему мнению, разумеется, не обязательному для тебя и кого бы то ни было, в рассказе смазана концовка. Ужас и правда жизни в ее продолжении, а ты предлагаешь красивую смерть с чеховской чайкой. Так тебе захотелось, твой вкус, твое право.

Пишу тебе из Комарова, хотелось бы тебя повидать, но в этой новой жизни, которую нам выпало доживать, мы лишены даже этого маленького блага: увидеть друг друга, съездить в Комарово – 2000.[22] Перерезаны все кровеносные сосуды, даже капилляры.

---

[21] Рассказ «Фреза Господня» – «Нева». 1994. № 4.

[22] Цена билета до Комарово. Как и многие, Глеб в эти годы жил бедно. Об этом – его статья «Мы все похудели. И похудали...» в «Правде» (1993. 29 апр.), в рубрике «О чем молчат писатели».

Твой рассказ я прочел как весть о том, что Володя Насущенко жив, не потерял дар слова.

В августе я буду в деревне.[23]

Обнимаю, твой Г. Горышин.

P.S. Ты, небось, думал, что я от тебя отвязался со своими замечаниями, а я к тебе прилип как банный лист: Володимер, не пиши красиво! И все же поздравляю тебя с твоей «Фрезой»! Надо было обыграть в тексте красивый-то заголовок. А? Или уже ничего не надо. Отзовись, буду рад.

Конверт: Санкт-Петербург, ул. Черкасова, д. 12, корп. 2, кв. 67. В. Е. Насущенко

191186, С.-Петербург, канал Грибоедова, д. 9, кв. 98. Горышин Г. А.

Штемпели: 31.10.94 02.11.94

13.
Г. Горышин – В. Насущенко
(неотправленное[24])

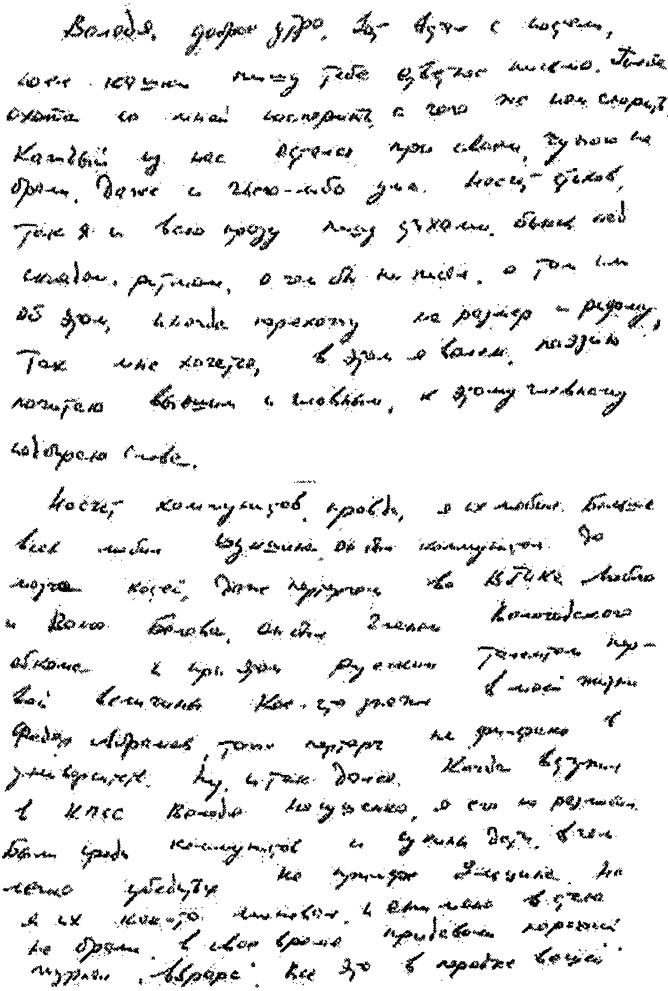
<1994>

Володя, доброе утро, вот, встал с постели, поел кашки, пишу тебе ответное письмо. Тебе охота со мной поспорить, а чего же нам спорить? Каждый из нас остался при своем, чужого не брали, даже и чьего-либо ума. Насчет стихов, так я и всю прозу пишу стихами, бьюсь над складом, ритмом, о чем бы ни писал, о том или об этом, иногда перехожу на размер и рифму, так мне хочется, в этом я волен, поэзию почитаю высшим и главным, к этому главному подбираю слова.

---

[23] Деревня Нюрговичи на Вепсской возвышенности, где из года в год с середины 1880-х Глеб жил в купленной им избе. Здесь он писал свои «мемуары о происходящем» – хронику деревенской (и собственной душевной) жизни, очерки с подзаголовком «Записи одного лета»: «Луна запуталась в березе», «Слово лешему», «По весне, по осени», «Возвращение снега», «Меняют нижние венцы», «Время дергача», «И вздох осин при каждом шаге...», «Черемуховый рай» и др., публиковал их в журналах «Север» (1991. № 12; 1992. № 8; 1993. №№ 3, 12), «Москва» (1994. № 9; 1995. № 6), «Бежин луг» (1996. № 2; 1997. № 2). Все они вошли в его книгу «Слово лешему: Записи очевидца» (СПб., 1999), изданную посмертно.

[24] Архив Г.А. Горышина.



Насчет коммунистов, правда, я их любил. Больше всех любил Шукшина, он был коммунистом до мозга костей, даже парторгом во ВГИКе. Люблю Васю Белова, он был членом Вологодского обкома и при этом русским талантом первой величины. Кое-что значил в моей жизни Федор Абрамов, тоже парторг на филфаке в университете. Ну, и так далее. Когда вступил в КПСС Володя Насущенко, я его не разлюбил. Были среди коммунистов и сукины дети, в чем легко убедиться на примере Ельцина. Но я их как-то миновал, и они меня в стаю не

брали, в свое время придавили хороший журнал «Аврора». Все это в порядке вещей.

В отношении Солженицына. Конечно, все мы в какой-то степени вышли из Исаича. Когда его мордовали у нас, я отправил письмо съезду писателей в защиту и поддержку, за что меня не печатали несколько лет, не пускали за границу. Помню, мы с женой оформились на поездку во Францию, в последний момент ее пустили, а меня не пустили. Пока не было жены, что я делал? Ну, конечно, пил коньяк и размахивал руками. «Архипелаг» я пережил как главное произведение XX века. На западе существует авторитетное мнение, что империю разрушили три человека: Солженицын, Горбачев, Ельцин. Так что в этом ты прав. Но угораздило же Исаича попасть в такую дурную компашку.

Долго живя на свете, мы с тобой имели случай убедиться в том, что человек – тварь изменчивая, изгибчатая. И тот господин, который благословил пальбу из пушек по недоумкам в октябре прошлого года и поучает нас, какими нам следует быть, ничего общего для меня не имеет с Исаичем моей литературной молодости. Кстати сказать, Эрик Сафонов, редактор «Литературной России», недавно убитый опричниками Ельцина, с благословения Солженицына, в Рязани, когда исключали Исаича из СП, поднял руку против. Представь себе мужество этого мягкого, доброго человека. Я Эрика Сафонова первый раз напечатал в «Авроре», так же как и тебя.[25] И так мне его жалко, беднягу. Тут есть над чем подумать, не надо торопиться с выводами, дело еще не кончено.

Насчет того, что я бесплатно ездил туда и сюда, я посмеялся. Бесплатно ничего не давалось, богатым я не был. Помню, поехал по Волге, занял у тебя 200 рублей, на пароходе все пировали, один раз я завел к себе в каюту женщину, но мог угостить ее только кефиром, и она меня отвергла. Правда, смешно? Тебе нравится нынешнее время,

---

[25] Первый сборник рассказов Эрнста Сафонова (1938–1994) – «Мужчины» (Рязань, 1962). В 60–80-х прозу и публицистику публиковал в «Волге», «Урале», «Нашем современнике» и др., работал в редакциях разных газет, на радио; секретарь Правления СП РСФСР, гл. ред. «Литературной России» (1989–1994). В «Авроре» напечатал повесть «Африканский баобаб» (1979. № 11).

[26] Наверное, В. Насущенко был отдан «Север» (3-й или 12-й за 1993 г.) с вепсскими «записями» Горышина «По весне, по осени» и «Возвращение снега» (см. выше).

[27] В №№ 6–7 «Нашего современника» за 1994 г. Глеб опубликовал воспоминания о 70-х гг. «Мой мальчик, это я...: Записки по вечерам».

ты проклинаешь прошлое, дело твое хозяйское. Но в то х<...> время за литературный труд платили не ахти какие деньги, но можно было жить, ездить или сидеть на месте. Ты знаешь, что такое литературный труд, какая ему цена. В наше б<...> время за литературный труд не платят ни гроша. Конечно, страдающему народу все это до лампочки, он страдал при Александре III, Николае II, при Сталине, Брежневе, страдает при Ельцине. Но во времена Н.А. Некрасова, страдальца за народ, страдалец слыл богатейшим человеком Санкт-Петербурга, а главный страдалец нашего времени Солженицын по меньшей мере миллиардер. Прежде всего – почему? Оба – великие труженики, и получали за свой титанический труд надлежащую плату.

Впрочем, я ушел далеко в сторону.

Володя, при случае с кем-нибудь передай мне «Север».[26] Выберешь время, прочти в №№ 6–7 «Нашего современника» мои заметки,[27] все же ты один у меня читатель, я твоим мнением дорожу. Прощать нам друг друга не за что, прощаться еще не время.

Привет Зине.[28] Твой

Г. Горышин.

14.
Г. Горышин – В. Насущенко

<1996?>

Володя, голубчик,

спасибо за письмецо. Я-то совсем стал забывчив, все искал написанное тебе письмо, забыл, что отправил. Старость, мать ее туды и сюды. Сочувствую твоим горестям, своими делиться ни к чему. Заголовок «Бомбить...»,[29] конечно, безобразный, у меня был: «Почему не прилетели ласточки»,[30] но когда журнал стоит на углу с протянутой рукой, надо хоть чем-то остановить прохожего, вдруг подаст. Вот и привлек «американца», как нынче в газете, все на заголовке стоит. Ежели бы, как прежде бывало, издавал бы книгу, конечно, был бы и заголовок другой.[31]

[28] Зинаида Фроловна – жена В.Е. Насущенко.

[29] Где была опубликована «картика»-зарисовка Горышина «Бомбить американца», не нашла. Но что такая была, точно помню. – *А. Г.*

[30] Рассказ Горышина «Почему не прилетели ласточки? Записи этого лета» – «Санкт-Петербургские ведомости». 1993. 11 нояб. (в сокращ.); «Бежин луг». 1994. № 2.

[31] Сборник прозы «Гора и Берег» (М., 1989) был последней книгой Г. Горышина. Составленную им книгу очерков «Слово Лешему» удалось издать только посмертно.

Ежели бы не мои хвори, я бы еще побегал туда и сюда, пописал бы, попечатался. Но силенки на исходе. Между прочим, 19 декабря в 1.30 буду читать на радио рассказ про собаку Песси.[32] Радио у тебя есть? Громкости хватит? До того номера «Авроры», где мы под одной крышей, доживем ли?

Для радио я делаю несколько коротких передач о писателях-фронтовиках. Я сам предложил: Курочкина, Носова, Ю. Гончарова, К. Воробьева. О Курочкине 13-го в 19.30. Читаю с наслаждением Костю Воробьева, вчера всю ночь читал «Вот пришел великан». Читал? Прочти, хотя бы и повторно, чудная вещь. И Женю Носова. Вот какая была литература в то пропащее время. И ее съела инфляция, демократия – назови как хочешь.

Насчет открытости и закрытости. Быть открытым можно в трех случаях: будучи гениальным, глупым или самоуверенным. Во всех других случаях приходится чем-нибудь прикрываться, как А.П. Чехов или Шукшин. Заголяться и обнажаться позволяли себе разве герои Ф.М. Достоевского.

Дай тебе Бог, дружище! Сердечный привет Зине. Твой

Г. Горышин.

P.S. Посылаю стишок, каковыми время от времени пробавляюсь.[33]

Материалы подготовлены
А.Г. Гродецкой,
дочерью Г.А. Горышина

[32] Речь идет о рассказе «Назову собаку Песси» – «Москва». 1995. № 6.

[33] «Стишок», написанный, видимо, на отдельном листке, не сохранился. В 1990-е Горышин напечатал в журналах и альманахах несколько стихотворных подборок и два сборника стихов, изданных «за счет средств автора», – «Виденья» (СПб., 1990) и «Возвращение снега» (СПб., 1996).